

© 1992 г. УЛУХАНОВ И.С.

О СТЕПЕНЯХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
МОТИВИРОВАННОСТИ СЛОВ.

О. Мотивированным словом (или словом синхронически производным) называют "такое слово, которое семантически (или синтаксически), а также формально выводится из другого слова, точнее: слово, в значение и форму которого входят значение, а также форма (основа или ее часть) другого слова, называемого мотивирующим (базой)" [1, с. 307]. Однако степень вхождения как значения, так и формы одного слова в значение или форму другого может быть различна, и этим обусловлена необходимость изучения степеней мотивированности слов.

Существует большая группа таких слов, которые находятся в зоне, пограничной между мотивированными и немотивированными словами, располагаясь (в соответствии с теми или иными своими свойствами) ближе к одному из этих полюсов. Именно существованием этой пограничной группы слов и объясняются многочисленные споры по поводу мотивированности/немотивированности, "прозрачности"/"непрозрачности" тех или иных слов, споры о границах синхронного гнезда слов. Эти споры напоминают более раннюю полемику по поводу членимости слов, утихшую благодаря постановке проблемы степеней членимости и разработке конкретной шкалы степеней членимости¹.

Большой интерес могла бы представить диахроническая интерпретация этих степеней.

Перед современной наукой о структуре слова стоит аналогичная задача — создать теорию синхронных степеней мотивации и дать диахроническую интерпретацию этих степеней, т.е. выявить диахронические факторы, влияющие на утрату или ослабление мотивированности слова². Эта задача далека от решения как в силу слабой изученности материала, так и в силу его сложности и разнообразия. Попытка дать некоторые материалы для решения синхронической части этой задачи предпринята в данной статье.

1. Решение этой задачи имеет не только теоретическое, но и практическое значение: проблема степеней мотивации встает при составлении морфемных и словообразовательных словарей (определение границ гнезда) и при составлении словариков этимологических словарей (определение слов, нуждающихся в этимологическом объяснении).

1.1. В существующих морфемных словарях современного русского языка в одно словообразовательное гнездо нередко объединяются такие слова, у которых с синхронной точки зрения усматривать тождество корня нет оснований. Так, в словаре Д.С. Ворта, А.С. Козака, Д.Б. Джонсона [7] в одно гнездо

¹ О степени членимости см. [2—5].

² О связи "степеней непроизводности" с историей словарного состава В.В. Виноградов писал еще в 1952 г.: "...именно в изучении общественной жизнениности и семантического веса разных основ, активности употребления и своеобразий строя основ, относящихся к разным частям речи, в различении живых, продуктивных и непродуктивных основ, в разграничении разных степеней производности основ ярко обнаруживаются разные исторические слои или пласты в составе современного языка" [6].

объединены образ и резать, гореть и жар, печь и печаль, поле и польный и мн. др. (что отмечалось в ряде рецензий на этот словарь, см., например [8, с. 104]).

В словаре А.И.Кузнецовой и Т.Ф. Ефремовой [9] выделены: корень *-бед-* в *бедовый, победа* и *убедить*; *-год-* в *годный, вознегодовать*; *-да-* в *удача*; *-пруг-* в *супруг* и *упругий*; *-пряж-* в *упряжка, пряжка* и *спряжение* и мн. под. Как ясно из приведенных примеров, авторы обоих словарей ориентируются на этимологическое родство слов (т.е. единицы современного языка выделяются на основе сопоставления с фактами языкового прошлого), хотя последовательно этимологический принцип не проводят (ср. объединение в одно гнездо *баять* и *байка* "ткань", *кол* и *калач* в [7], см. об этом [8, с. 104], или выделение корней *подраж* в *подражать, здрав* в *поздравить, почеч* в *подпочечный, облак* в *облако* и мн. др. в [9]).

Синхронные критерии определения мотивационных отношений используются в словаре А.Н. Тихонова [10]. Гнездо составляют синхронно мотивированные и мотивирующие слова, а после ряда гнезд с пометой *ср.* даются слова, "в современном русском языке очень слабо связанные с гнездом, но еще окончательно не порвавшие с ним свои родственные связи" [10, т. 1, с. 16], например, *баллотировать*<...>, ср. *балл...* устар. Шар для голосования [10, т. 1, с. 83]; *булгачить*<...>, ср. *булга*, прош. Суета [10, т. 1, с. 129]; *задубеть*<...>, ср. *дуб* [10, т. 1, с. 355]; *замок*<...>, ср. *замкнуть* [10, т. 1, с. 357] и др. Такое решение при современном состоянии теории степеней мотивированности следует признать реалистичным.

1.2. Отбор немотивированных слов должен быть осуществлен при составлении словника этимологических словарей. Объяснение в этимологическом словаре мотивированных слов (как в качестве заглавных слов, так и в словарной статье, посвященной немотивированному слову) означает совмещение в этом словаре свойств этимологического и словообразовательного словарей. В существующих этимологических словарях, как правило, такое совмещение имеет место, хотя этимологи нередко теоретически ограничивают свою задачу объяснением происхождения немотивированных слов.

Так, Ф. Славский писал в 1967 г.: "Самым многочисленным является, несомненно, слой живых дериватов, количественно не ограниченный. ... Этимологии нет необходимости заниматься такими словами ... Этимология занимается словами, которые с современной точки зрения являются немотивированными, морфологически не обоснованными" [11]. Однако на практике автор поступал иначе: его "Этимологический словарь польского языка" содержит довольно большое количество несомненно мотивированных слов: *biedak, biegly, diegun, bogacić, bogini, brodaty, czwartek, czyścić, doglądać, dymić, jabłuszko, lakierować, lasak, lasować* (устар. "укрывать в лесу; убежать в лес"), *łapańca* (руковица, обычно с одним пальцем"), *lewica* ("левая рука; левая сторона, левое политическое направление") и мн. др. При этом Ф. Славский руководствовался некоторыми (не очень строгими) принципами отбора мотивированных слов. В "Предисловии" к словарю сказано: "Его задача — дать полный обзор непроизводных общеславянских слов в современном польском языке; что же касается дериватов, то ввиду ограниченного места пришлось дать здесь только более или менее индивидуальный набор, обусловленный чаще всего возрастом слова, распространением в славянских языках, интересностью образования" [12].

Все современные этимологические словари восточнославянских языков содержат в своем словнике мотивированные слова, причем основания для этого сформулированы только в [13]. Помимо слов, "имеющих в настоящее время непроизводную основу", в словарь включаются "все исконно русские слова с производной основой, пережившие дестимологизацию или изменение своей морфологической структуры" [13, т. 1, вып. 1, с. 6], все заимствованные слова (а также те, которые "могут показаться иноязычными") и кальки. Термин "непроизводная

основа" здесь употреблен по отношению к основам синхронно немотивированных слов, а термин "производная основа" — по отношению к исторически производным (последнее следует из того, что слова, пережившие дестимологизацию, можно отнести к производным только в диахроническом значении этого термина; с синхронной точки зрения они относятся к словам, "имеющим в настоящее время непр производную основу"). Как видим, мотивированные слова в [13] (так же, как и у Ф. Славского) отбираются на основе диахронических (однако иных, нежели у Ф. Славского) критериев. Так же, как и у Ф. Славского, этот отбор проведен не вполне последовательно. В словаре есть мотивированные слова, не пережившие изменения морфологической структуры, не являющиеся и не "кажущиеся" заимствованиями, не кальки: *бородатый* (при отсутствии, например, *волосатый*), *битва*, *бритава*, *клятва*, *борьба* (но нет *гульба*, *косьба*, *женитьба* и т.п.), *боязнь* (но нет *болезнь*), *двадцатилетие* (при отсутствии слов на *-летие* от других числительных), *истмат* (при отсутствии *диамат*), *колхоз*, *кверху*, *книзу* (при отсутствии *вверх*, *вниз*), *вправо* (при отсутствии *влево*), *беспартийный*, *вслепую*, *голосотяп*, *двустволка*, *декабрист*, *дымоход*, *завсегда*, *клеить*, *культурный* и мн. др.

Включив довольно много мотивированных слов, авторы словаря [13] оставили за его пределами некоторые немотивированные слова литературного языка (*выкамаривать*, *гинуть*, *дрогнуть* "зябнуть", *заняться* "начать гореть", *зарядить* "вложить заряд", *зарядить* "начать производить одно и то же действие", *застигнуть* и *застичь* и др.), а также много слов, "пограничных" между полностью мотивированными и полностью немотивированными словами, например *безвременный*, *безликий*, *двуликий* (при наличии *двуличный*), *благодарный*, *благоразумный*, *богомоз*, *возобладать*, *воинствующий*, *выбыть*, *выгородить*, *выдворить* (при наличии *водворить*), *выделить*, *выказать*, *вложить*, *выложить*, *изложить* (при наличии *доложить*, *заложить*), *головешка* (при наличии *головня*), *гостиный* (*двор*) (при наличии *гостиница*), *доморощенный*, *драгоценный*, *древовидный*, *единонаследие*, *единородный*, *единосушный*, *естествоиспытатель*, *захребетник* и мн. др. Другие же "пограничные" слова в словнике имеются: *взятка*, *витиеватый*, *водород*, *возбудить*, *возвеличить*, *возвестить*, *воочию*, *всеведущий*, *гвоздить*, *зablуждаться*, *застрельщик*, *зрелище*, *излияние* и мн. др.

Проблема мотивированности (производности) слова не затронута М. Фасмером ни в "Предисловии", ни в "Послесловии" к его этимологическому словарю [14]. Как известно, в этом словаре нет многих немотивированных слов современного литературного языка. Вместе с тем в нем можно найти достаточно мотивированных слов, хотя и гораздо меньше, чем в словаре МГУ. Причины включения именно этих мотивированных слов неясны. Таковы, например, *вдовый*, *домашний*, *жнец*, *коновал*, *молокосос*, *мышление*, *некать*, *одуванчик*, *опустошить*, *побратим*, *пятница*, *раскумекать*, *самовар*, *слаще*, *смертельный*, *снохачество*, *СССР*, *стахановец*, *стеклярус*, *сыроежка*, *тамошний*, *трижды*, *умерщвлять*, *хапуга*, *царица*, *чертеж*. О.Н. Трубачевым в русский перевод добавлены *белесый*, *белорыбица*, *белуза*, *благотворительность*, *взыскательность*, *вменимость*, *вольнодумство*, *веснушка*, *дороговизна*, *дорожить*, *кузница*, *оползень*, *пустота*, *скат*, *сточный*, *хлопчатобумажный*. Среди мотивированных слов много заимствований (*авансировать*, *авторизовать*, *адресовать*, *аптекарь*, *бойкотировать*, *контролировать*, *попадьа*, *танцкласс*, *школяр* и мн. др.) и калек: *односторонний*, *переворот*, *полуостров*, *прямоугольный*, *развитие*, *сверхчеловек*, *женский род*, *утонченный*, *человеколюбие* и др.

Совершенно однотипные с точки зрения степени мотивированности слова (например, одноструктурные образования от числительных) нередко даны непоследовательно: так, есть *двенадцать*, *четырнадцать*, *восемнадцать*. О.Н. Трубачевым добавлено *одиннадцать*, но отсутствуют *тринадцать*, *пятнадцать*, *шестнадцать*, *семнадцать* и *девятнадцать*; есть *дважды*, *трижды*; но нет *четырежды* и т.п.

Подобно словарю МГУ, словарь М. Фасмера включает большое количество

"пограничных" слов разной степени мотивации. Критерии их отбора также неясны. К их числу относятся, например, *безвозмездный, бездна, беспечный, забубенный, завидовать, замашка, запнуться, застенок, затворить, затылок, захребетник, звездануть, здание, здравствуй, извцннуться, кладбище, леденец, майка, накануне, наковальня, небоскреб, невзрачный, неприязнь, опейить, остервенеть, повиноваться, поединок, поздравить, прекословить, самодержавие, сверчок, слащавый, совершить, хладнокровный, чернила, шило* и др., ср. также введенные О.Н. Трубачевым: *занимательный, зараза, листовка, простолоудин, следопыт, сухопарый*. Вместе с тем можно было бы привести много подобных "пограничных" слов, не введенных в словарь М. Фасмера. Ограничимся лишь указанием некоторых слов, имевших или имеющих приставки *до-* и *пред-*: *добиться, добраться, добыть, догадаться, доказать, доконать, доложить, домогаться, донести* ("1. Сделать донесение; 2. Сделать донос"), *донять, достать, достаться, достукаться; предвещать, предвзятый, предвкушать, предводить, предвосхитить, предложить, предоставить, предохранить, предписать, предположить, предпослать, предпочесть, предпринять, предречь, предсказать, представить, предстоять, предтеча, предьявить, предыдущий*.

Не имея возможности обстоятельно рассмотреть с точки зрения степени мотивированности словники выходящих этимологических словарей других восточнославянских языков [15, 16], отметим, что эти словники также содержат большое количество мотивированных и "пограничных" слов (белорусский — в большей степени, чем украинский), например, блр. *вальналюбец, вадапой, вадамеры, выбар, выбаршчык, выбуркнуць, выскачка, выстрал, дабрадушны, даведацца* и мн. др., укр. *видноколо, виднокруг, висолопити, безнастанний, безпутний, безшабашний, викрутас, горілка, докучати, домочадець, заковика* и др.

Приведенный материал подтверждает необходимость дальнейшей разработки теории мотивации, и прежде всего принципов отграничения мотивированных слов от немотивированных и определения состава пограничной зоны, расположенной между этими полюсами.

1.3. В настоящее время можно указать отдельные исследования современных лингвистов, посвященные этому кругу проблем (не претендуя на полноту и не касаясь общих работ по теории мотивации или внутренней форме слова — от Платона до Потебни). Во многих из них рассматриваются отдельные случаи демотивации — отклонения от регулярной семантической выводимости мотивированного из мотивирующего³, в других выявляются отдельные типы степеней мотивации (или нарушений мотивации) и вводится соответствующая терминология.

Так, С.С. Лашанская [21] обращает внимание на такие дериваты (в шведском языке), у которых мотивирующим словом является «метафорическое, образное название мотивирующего признака (напр., слово *blod* — "кровь", ставшее первым компонентом в *blodriska* — "рыжик" и метафорически обозначающее тот же реальный признак красноватого цвета, который прямо выражен в русском названии соответствующего гриба»).

В.В. Лопатин [22] считает метафорически мотивированными такие слова, которые "являются единственными носителями переносного смысла (последний не выражен в языке в мотивирующих словах и устойчивых сочетаниях)" (примеры см. ниже; ср. также [20, с. 108, 109, 147]).

Р. Гжегорчикова и Я. Пузынина делят все дериваты на собственно дериваты (*derywaty właściwe*) (или семантические дериваты) и ассоциативные (или ономазиологические) дериваты и выделяют их разновидности [1, с. 307, 308, 314—317]. Значение собственно дериватов включает в себя значение мотивирующего или совпадает (*begać — beganie, strona — stronica*) с ним. Значение

³ Ср., например, [17; 18; 19, с. 246; 20, с. 57, 58, 80—89, 147, 148].

ассоциативных дериватов не включает в себя значение производящего. При этом производящее, однако, указывает на черту (явление), связываемое говорящими со значением деривата; так лексическое значение польск. *lipiec* — "седьмой месяц года", а ассоциативная связь с мотивирующим отражается в словообразовательной перифразе "miesiąc, w którym kwitną lipy" ("месяц, в котором цветут липы"). Ассоциативные дериваты авторы включают в синхронное словообразование, поскольку эти дериваты сохраняют семантическую связь с производящим и отражают механизм названия, основанный часто на несущественных, случайных признаках, но перцепционно доминирующих в процессе названия. К числу ассоциативных дериватов отнесены, в частности, дериваты, значение которых основано на метафоре [*mrowiskowiec* "dom jak mrowisko" (дом, похожий на муравейник)]. Ассоциативные дериваты представляют собой один из видов нарушений семантических отношений между производящим и дериватом. Здесь имеет место нарушение семантической мотивации⁴.

Пограничную сферу между собственно дериватами и ассоциативными дериватами составляют такие слова, как *mydlarnia* "магазин, в котором продаются изделия хозяйственной химии (в том числе мыло — *mydło*)"; *reżchnik* "кусочек материи, служащий для вытирания тела (в том числе рук, польск. *ręka*)" (ср. гипонимическую мотивацию, выделяемую О.П. Ермаковой и Е.А. Земской, см. с. 86).

Ассоциативные дериваты, по мнению авторов, образуют переходную зону между мотивированными и немотивированными словами; так, слова типа *maslak* "гриб, который выглядит намазанным маслом", *ostróżka* "растение, цветы которого похожи на шпору" (ср. польск. *ostroga* "шпора") имеют ослабленную мотивацию, пограничную с немотивированностью.

Е.А. Земская [25, с. 337—349] выделяет следующие виды семантических отношений мотивации: основная (*дом* — *домик* и т.п.), коррелирующая с периферийной (семантика мотивирующего слова составляет периферийную часть семантики мотивированного слова: *госпиталь* — *госпитализировать*), прямая (*школа* — *школьник* и т.п.), коррелирующая с переносной, делящейся на два подвида — реальная мотивация (образное значение мотивированного наследуется от переносного значения мотивирующего: *петушились*) и ассоциативная (значение мотивированного базируется на устойчивых ассоциациях, свойственных значению мотивирующего: *школьник* — *школьничать*); образная мотивация (образное значение мотивированного основывается на прямом значении мотивирующего: *молокосос*).

О.И. Блинова [20, с. 32, 33, 81, 82], в отличие от авторов всех названных работ о степенях мотивации, использует это понятие для разграничения слов, соотносящихся как с мотивирующим, так и с одноформантным словом (*синеть*, ср. *синий*, *белеть*), и слов, соотносящихся только с мотивирующим (*стеклярус*, ср. *стекло*) или только с одноформантным словом (*брусника*, ср. *костяника*). Первый тип соотношения автор называет полной мотивацией, второй — частичной мотивацией.

Особую позицию по вопросу о степенях мотивированности занимает Е.С. Кубрякова, полагающая, что "степень семантической связанности производного с производящей единицей проявляет отчетливую зависимость от того, в какой именно синтаксической позиции находится непосредственно мотивирующее слово в мотивирующем суждении" [26]. Е.С. Кубряковой намечены перспективы изучения степени семантической близости мотивированного и мотивирующего, основанные на синтаксических критериях.

⁴ Аналогичные явления частично были рассмотрены Я. Пузынной еще в работе 1972 г., где употреблялся термин "намеренно нарушенная производность" (*rochodność intencjonalnie zakłócona*) [23, с. 55, 56]. М. Гонозская рассматривала этот вид нарушений как своеобразную словообразовательную рекламу, обеспечивающую эффективность восприятия и коммуникации (прагматическая функция дериватов) (см. [24]).

2. Краткий обзор работ последнего времени о видах и степенях мотивации показал, что в центре внимания их авторов стоит вопрос о характере (прежде всего — степени близости) семантических отношений между анализируемыми словами. Решение этого вопроса тесно связано с проблемой соотношения системы языка и его функционирования в речи индивидуумов, поскольку разные индивидуумы — в зависимости от своей языковой компетенции — по-разному трактуют значение и структуру слова: одно и то же слово может оцениваться как мотивированное одним носителем языка и как немотивированное — другим. Это не означает, однако, что в решении проблемы степеней мотивированности следует остановиться на уровне языковой компетенции индивидуумов и не ставить вопроса о мотивированности/немотивированности слова в системе языка.

А.С. Герд, говоря о членении словоформ на морфы, отметил, что при этом возможна опора на "словари или... на коллективное языковое сознание" и что должен быть «охарактеризован тот обобщенный "средний" тип носителя литературного языка, который послужил эталоном при проведении сегментации» [27, с. 9]⁵. Очевидно, ориентация на "обобщенный" тип носителя языка (как при сегментации, так и при выявлении мотивационных связей) может в наибольшей степени способствовать определению системных свойств языка. Правда, задача выявления мотивационных связей, актуальных для такой "усредненной" языковой личности, достаточно сложна в силу абсолютной неразработанности этой проблемы и отсутствия материалов и предварительных исследований. Выявление восприятия структуры слова (и, следовательно, — степени его мотивированности) могло бы осуществляться и посредством анкетирования. Таких исследований не проводилось. Определенную помощь мог бы оказать словарь языковых ассоциаций, однако и он пока не создан. В настоящее время лингвист может опираться на свой языковой опыт, а также на данные толковых словарей. И то, и другое ненадежно: первое — в силу субъективности, второе — в силу того, что, как известно, толкования многих мотивированных слов в толковых словарях не отражают их структуру, не содержат мотивирующих слов, не выявляют четко составные части (мотивирующую, формантную и дополнительную) значений мотивированных слов⁶. Надежнее были бы данные специальных толковых словообразовательных словарей, однако и такие словари пока отсутствуют.

2.1. Вопрос о восприятии структуры слова "усредненной" языковой личностью — это часть общей и совершенно не разработанной проблемы степени известности словарного состава носителям языка. Частотные словари, учебные словарные минимумы дают косвенные данные лишь о степени известности слова, но не о восприятии его структуры. В результате массового анкетирования возможно выявление "индексов известности" каждого слова, которые могут явиться базой для дальнейших разнообразных исследований (в том числе и социолингвистических). Аналогичным путем может быть установлен и "индекс мотивированности". Индексы известности слова и индексы его мотивированности могут быть определены как для "усредненной" языковой личности, так и для типичных представителей различных социальных групп.

Очевидно, что носитель языка может воспринять слово как мотивированное в том случае, если ему известны три семантических компонента: 1) значение этого слова; 2) значение мотивирующего слова; 3) семантические признаки, которые показывают связь между тем, что обозначено мотивирующим и

⁵ Применительно к мотивации слов (конкретно — терминов) об этом писала Я. Пузынина: "Лингвисты хотели бы анализировать язык с точки зрения значений, которые приписывает языковым единицам обычный носитель языка, а не специалист" [23, с. 57].

⁶ О толкованиях мотивированных слов в толковых словарях см. [19, с. 245—252; 28].

мотивированными словами (отдельный вопрос — возникновение ложных, "народно-этимологических" связей). Рассмотрим кратко каждый из этих компонентов.

2.1.1. Естественно, что тот, кто совершенно не знает значения слова, не имеет данных для суждения о его мотивации. В этих случаях возможна ложная интерпретация значения слова, которая нередко сочетается с установлением связей с псевдооднокоренными словами. Таково, например, довольно широко распространенное, но ошибочное употребление глагола *довлеть* в значении "господствовать, преобладать", обусловленное установлением ложной с синхронной точки зрения связи с глаголом *давить*.

2.1.2. Носитель языка, не знающий мотивирующего слова или его значения, не воспринимает и мотивированное слово в качестве такового. Например, существительное *маринист* мотивировано только для того, кто знает устаревшее *марина* "картина, изображающая морской вид". С точки зрения системы языка (и "усредненного" знания), по-видимому, нельзя устаревшее слово считать мотивирующим по отношению к неустаревшему, т.е. *маринист* следует признать немотивированным.

Из образований от имен собственных мотивированными для носителя языка являются те, которые соотнесены с известными ему именами. Так, для большинства носителей языка мотивированными, видимо, являются суффиксальные *аракчеевщина*, *буддист*, *дарвинизм*, *стахановец*, *тимуровец*, *толстовка*, *буденовка*, *бонапартизм*, *демянова (уха)*, *эзопов (язык)* и т.п., безаффиксные *донжуан*, *донкихот*, *боржом*, *гжель*, *геркулес* и немотивированными *базедова (болезнь)*, *гардения*, *дальтонизм*, *артезианский (колодец)*, *макаронизм* и др., безаффиксные *кагор*, *галифе*, *винчестер*, *дредноут*, *мегера*, *пергамен* и др., хотя индивидуальные различия между носителями языка в данном случае могут быть довольно значительными.

В этом отношении к словам, мотивированным именами собственными, близки аббревиатуры. Известность их расшифровки сильно колеблется в зависимости от индивидуальных знаний носителя языка, от того, в какой сфере он занят. В словаре М. Фасмера для зарубежного читателя раскрывается аббревиатура СССР, а для современного читателя, очевидно, необходимо раскрытие таких аббревиатур, как *кожимит*, *загс*, *дот*, но не *колхоз*, *нэп*, *вуз*, *энзе* и т.п.

2.1.3. Широко распространены случаи, когда обыденного знания значения слова недостаточно для его семантического соотнесения со словом, входящим в его структуру и также известным носителям языка. В таких случаях неясны связывающие эти слова семантические признаки. Так, если *рождество*, по-видимому, мотивировано для большинства носителей языка (ср. его толкование в словаре С.И. Ожегова: "христианский праздник рождения Христа" [29, с. 629], то названия ряда других религиозных праздников не мотивированы в силу незнания "средним" носителем языка истории их возникновения и связанных с ними обрядов, ср. например, *покров* (отсутствующее в словаре С.И. Ожегова, толкуемое в четырехтомном Словаре русского языка без помощи однокоренных слов: "один из христианских праздников" [30, III, с. 251]).

Химический термин *водород* (калька с лат. *hydrogenium*, по-видимому, осознается носителями языка как "рождающий воду" (ср. толкование этого слова в словаре С.И. Ожегова: "химический элемент, самый легкий газ, в определенном соединении с кислородом образующий воду" [29, с. 83]), но связь близких по структуре слов *кислород* и *углерод* с *кислый (кислота)* и *уголь*, очевидно, не входит в "обыденное" знание, отраженное в толковых словарях: "кислород "химический элемент, газ, входящий в состав воздуха, необходимый для дыхания и горения" [29, с. 252], *углерод* "химический элемент, важнейшая составная часть всех органических веществ в природе" [29, с. 756]. Связь с *кислота*, *уголь* нуждается в специальных этимологических и энциклопедических разъяснениях: «Франц. химик А. Лавуазье в 1775 г. установил состав воздуха и показал, что кислород является составной частью кислот. Отсюда лат. *oxygenium*, умение образование на базе греч.

ὄξυς "кислый" и γεννώω "рождать", т.е. буквально "рождающий (образующий) кислоту"» [13, т. II, вып. 8, с. 137]; "Значит. кол-во углерода)... входит в состав горючих ископаемых (уголь, природный газ, нефть и др.)" [31, с. 1367].

2.2. Системные свойства единиц языка (в данном случае — степень мотивированности слов) должны выявляться обычным путем: посредством изучения функционирования единиц языка в речи, выявления восприятия их возможно большим числом носителей языка, суммирования и обобщения этих данных. К сожалению, такого исследования степеней мотивации не проведено, а необходимость его очевидна.

2.2.1. Функционирование мотивированных слов в речи (тексте) изучено недостаточно: лишь в последнее десятилетие появился ряд работ теоретического характера, посвященных проблеме "словообразование и текст" [20, 32—35]. Детальные исследования большого материала отсутствуют⁷. Между тем контексты, в которых выступают одновременно два или несколько однокоренных или одноформантных слова (несмотря на достаточную редкость таких контекстов), дают некоторые данные о степени мотивированности слов, употребленных в этих контекстах. Проблема "мотивация в тексте" заслуживает специального исследования. Мы ограничимся наименее изученной частью проблемы — рассмотрим употребление таких слов, семантические синхронные связи между которыми могут быть предметом обсуждения.

Эти употребления довольно разнообразны. В одних случаях сближения осуществляются в процессе непосредственных высказываний авторов текста о данных словах (метаязыковые сближения): «Несколько раз за время наших скитаний мы заводили разговор о старом народном выражении "дремущие леса". Мы восхищались точностью русского языка. Действительно, лесные дебри как бы цепенели в *дремоте*. Дремали не только леса, но и лесные озера, и ленивые лесные реки с красноватой водой. По берегам этих рек росли цветы кукушкины слезы. В народе их звали "дрёмой". Это растение было под стать *дремущим* лесам. Венчики кукушкиных слез сонно висели, согнувшись до самой земли» (К. Паустовский. Клад)⁸; «Печорин этого не понимает. Дуэль для него единственный способ *возмездия*. Вслушайтесь-ка в слово "*месть*". *Месть*, *возмездие*, *возмещение*. В русском языке заключена великая мудрость. Вероятно, в любом» (А. Крон. Бес-сонница); «Михаил Васильевич ...лежит на постели, стонет, жалуется на сердце. Он разглядывает потолок и говорит, имея в виду трещины посреди матиц: "Дерево и то ведь как по *сердцу* рвет!". Редкое у него чувство языка: *середина — сердце*» (Е. Дорош. Иван Федосеевич уходит на пенсию); «В русском языке есть еще выразительное слово предание. Предание — то, что художники всех времен передают следующим поколениям как самое ценное, значительное, "важное" (Вл. Воронов. Время выбора).

В других случаях сближения осуществляются без "комментариев", но их намеренный характер очевиден: «Первый секретарь обкома Кнорозов ...швырнул ему как-то: "Размазня ты, а не работник! Не советский у тебя стили!". Но Грачиков обопнул на своем: "Почему? Наоборот. Я — советно работаю, с народом я советуюсь"» (А. Солженицын. Для пользы дела); ср. синхронные сближения разошедшихся *ведать* и *совесть*; *знать* и *сознание* (см. [38]).

Возможно оживление ослабленной связи общеупотребительного слова с уставшим, или стилистически маркированным производящим (ср. *внимание* ← *внимать*, трад.-поэт.): "Помню особую усиленную внимательность к нему Белого,

⁷ Большое количество диалектных контекстов, содержащих мотивированное и мотивирующее слова, представлено в [36].

⁸ Пример рассмотрен О.И. Блиновой, отметившей, что "мотивационная цепочка *дремали* — *дрёма* — (цепенели в) *дремоте* оживляет внутреннюю форму в слове *дремущие* (леса) и создает яркий образ" [20, с. 148]. Д.Н. Шмелев считает словообразовательные связи между словами *дремать* и *дремущий* живыми [37].

внимание к каждому слову, внимание каждому слову" (М. Цветаева. Пленный дух); «И слово давнее "внимать"/Казалось мне — высокопарным,/Пока не стала понимать —/Бывает слушатель бездарным,/Пока не стала различать —/Что значит слушать со вниманьем,/И слово умное "внимать"/Вдруг озарилось пониманьем» (Т. Невская. Зрелость).

Неполная мотивированность слов типа *дремучий, возмездие, возмещение, сердце, предание, советский, совесть, сознание, внимание*, сближенных в текстах с исконно однокоренными словами, очевидна: с одной стороны, все сближенные в приведенных контекстах слова в словаре А.Н. Тихонова [10] отнесены к разным гнездам (и даже не отнесены, за исключением *внимать*, к словам, примыкающим к другим гнездам); с другой стороны, сам факт их сближения в текстах говорит о наличии в синхронной системе связей, пусть отдаленных, между многими словами с диахронически родственными корнями.

Таким образом, построение типологии степеней синхронной мотивации предполагает решение сложных вопросов установления мотивационных отношений между конкретными словами, во многом связанных с их функционированием. Несмотря на слабую изученность и сложность этих отношений, вряд ли можно согласиться со скепсисом М. Раммельмайера, который полагает, что проблемы мотивации "принципиально неразрешимы" [с. 39].

3. Ниже делается попытка построения многоступенчатой классификации степеней мотивации. В этой классификации определено место каждого из видов мотивации, рассмотренных в названных выше работах, и выделены некоторые другие виды. Степени мотивации определяются в результате анализа соотношений слов, претендующих на роль мотивирующих (их будем в дальнейшем обозначать буквой А), и слов, претендующих на роль мотивированных (их будем обозначать буквой Б). При определении этих "претендентов" мы исходим из тех признаков мотивированных и мотивирующих слов, которые изложены в [41, с. 40, 41]. Эти признаки позволяют разделить слова лишь на полностью мотивированные и полностью немотивированные и не могут явиться основой для определения степеней мотивации.

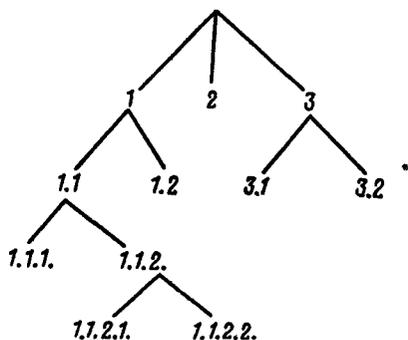
Классификация этих степеней ниже осуществляется на основании следующих семантических признаков анализируемых слов: 1) входит ли и если входит, то в какой степени (полностью или частично) значение слова А в значение слова Б; 2) в какой степени значение слова А "заполняет" мотивирующую часть значения слова Б; 3) в какое из значений (денотативное или ассоциативное) слова Б входит значение слова А (о компонентах значения мотивированных слов см. [19, с. 83—101], а также п. 3.1.1.2.); 4) какую роль (описательную, сопоставительную, экспрессивную) играет значение слова А по отношению к значению слова Б. Степень формальной близости анализируемых слов специально не рассматривается (это отдельная проблема) и считается достаточной для установления между ними отношений словообразовательной мотивации.

Слова (пары слов), обладающие такой формальной близостью, делятся на три группы в соответствии с тем, в какой степени значение одного слова (А) входит в значение другого слова (Б): 1) все компоненты значения одного слова (А) входят в значение другого слова (Б) (разд. 3.1.); 2) часть компонентов значения одного слова (А) входит в значение другого (Б) (разд. 3.2.); 3) ни один из компонентов значения одного слова (А) не входит в значение другого слова (Б) (разд. 3.3)¹⁰.

3.1. Слова первой группы в свою очередь делятся на две группы (1.1. и 1.2. на рис. 1 в соответствии со вторым признаком, названным в п. 3): 1) большую часть группы 1 составляют пары, у которых значение слова А полностью совпадает

⁹ Слова А чаще всего (но не всегда) являются диахронически производящими, а слова Б — производными. Виды соотношений производности и мотивации, не являющиеся предметом данной статьи, рассмотрены в [40].

¹⁰ См. рис. 1, где эти группы обозначены цифрами 1, 2, 3. На рис. 1 представлены все выделенные ниже степени мотивации и их соотношение.



1. Все компоненты значения слова А входят в значение слова Б.
 - 1.1. Значение слова А полностью совпадает с мотивирующей частью значения слова Б.
 - 1.1.1. Значение слова А совпадает с мотивирующей частью денотативного значения слова Б (*лес — лесок*).
 - 1.1.2. Значение слова А совпадает с мотивирующей частью ассоциативного значения слова Б.
 - 1.1.2.1. Значение слова А совпадает с мотивирующей частью ассоциативно-описательного значения слова Б (*горб — горбуша*).
 - 1.1.2.2. Значение слова А совпадает с мотивирующей частью ассоциативно-сравнительного значения слова Б (*сова — советь*).
 - 1.2. Значение слов А составляет часть мотивирующей части значения слова Б (*брошюра — брошюровать*).
2. Часть компонентов значения слова А входит в значение слова Б (*булава — булавка*).
3. Ни один из компонентов значения слова А не входит в значение слова Б.
 - 3.1. Значение слова А экспрессивно связано со значением слова Б (*патрон — распатронить*).
 - 3.2. Значение слова А никак не связано со значением слова Б (*быть — забывать*).

с мотивирующей частью значения слова Б (разд. 3.1.1.), 2) меньшую — пары, у которых значение слова А составляет часть мотивирующей части значения слова Б (разд. 3.1.2.).

3.1.1. Пары, у которых значение слова А полностью совпадает с мотивирующей частью значения слова Б, в свою очередь делятся на две группы (1.1.1. и 1.1.2. на рис. 1) в соответствии с третьим признаком, названным в п. 3: 1) пары, у которых значение слова А полностью совпадает с мотивирующей частью денотативного значения слова Б (разд. 3.1.1.1.); 2) пары, у которых значение слова А совпадает с мотивирующей частью ассоциативного значения слова Б (разд. 3.1.1.2.).

3.1.1.1. В первую из этих групп (1.1.1. на рис. 1) входит большая часть слов, например, *лес — лесок, победить — победитель, бежать — вбежать* и мн. др. Значение первых членов этих пар составляют мотивирующую часть денотативного значения вторых членов, которые, в отличие от слов второй из названных групп, не имеют ассоциативного значения. Это наиболее типичный вид семантических словообразовательных связей — основная или прямая мотивация (по Е.А. Земской [25]), имеющая место у собственно дериватов или семантических дериватов (по Р. Гжегорчиковой и Я. Пузыниной [1]).

3.1.1.2. Во вторую из этих групп (1.1.2. на рис. 1) входят такие пары, у второго члена которых в лексическом значении можно выделить две части: денотативное значение (дефиницию) и ассоциативное значение (ср. [1, с. 308]). Значение первого слова пары входит в ассоциативное значение и составляет его мотивирующую часть. Семантическая специфика данных дериватов заключается в том, что их денотат может быть адекватно (с точки зрения смысла) описан без ссылки на другое однокоренное слово. Денотативное значение таких слов описывается полной дефиницией, отражающей все существенные свойства денотата, но не отражающей способ его представления средствами языка. Толковые словари

нередко ограничиваются денотативными толкованиями таких слов. Таково, например, толкование слова *горбуша* в [30, т. I, с. 332]: "морская промысловая рыба сем. лососевых". При этом опускается та часть значения слова, которая отражена в его внутренней форме и которая соответствует способу представления данного денотата средствами языка. Эту часть можно найти в некоторых (не во всех) энциклопедических и этимологических словарях. Так, в [42, т. I, с. 451] указано, что "во время нереста на спине у самца образуется мясистый горб" (в новейшем энциклопедическом словаре [31, с. 323] связь с горбом не устанавливается), в [13, т. I, вып. 4, с. 130] говорится: "такое название данная рыба получила благодаря большому горбу, вырастающему на спине у самцов". Областной омоним названия рыбы в [30] также толкуется без участия слова *горб*, хотя разъясняет читателю связь с этим словом, указывая на форму толкуемой реалии: «*Горбуша...* "Разновидность косы с изогнутым лезвием на короткой рукоятке"» [30, т. I, с. 332]. Отсутствие ассоциативной части — не редкость в толкованиях многих слов (например, *горбушка, горбыль, глухарь, земляника*¹¹, *трясогузка* и т.п.). Без участия однокорневого слова в [30] истолкованы такие слова, включающие приставку *под-*: *подбородник* (спец.), *подбородок, подвздох, подосиновик, подсвинок, подследники, подсолнечник, подфарник, подштанники* и др. Видимо, необходимо найти способ различения в толковании денотативного и ассоциативного значений таких слов. Отсутствие последнего в толкованиях не отражает связей слов, несомненно, актуальных для носителя языка. С этой точки зрения следует обратить внимание на словарные толкования, даваемые в скобках с пометой *буквально*, ср., например, толкование прилаг. *допотопный* в [30]: "Вымерший, чрезвычайно древний (буквально: существовавший до мифического библейского потопа)" [30, т. I, с. 431].

Включение значения производящего в состав значения производного (в его ассоциативно-мотивационную часть) отличает предлагаемую трактовку данных дериватов от трактовки аналогичных дериватов, предложенной польскими лингвистами, назвавшими данную группу дериватов ассоциативными (или ономазиологическими) дериватами. Польские лингвисты полагают, что производящее данных дериватов остается за пределами их значений (хотя нередко описывают дериваты этой группы с помощью производящих: *mrowiskowiec* "dom jak mrowisko", *zyletkowiec* "dom w kształcie zyletki" и т.п. [1, с. 315]).

Пары слов; второй член которых имеет ассоциативное значение, делятся на две группы — в соответствии с четвертым признаком, названным в п. 3: 1) значение слова А составляет мотивирующую часть ассоциативно-описательного значения слова Б (разд. 3.1.1.2.1., на рис. 1 — группа 1.1.2.1.); 2) значение слова А составляет мотивирующую часть ассоциативно-сравнительного значения слова Б (разд. 3.1.1.2.2., на рис. 1 — группа 1.1.2.2.).

3.1.1.2.1. Второй член (слова Б) первой из названных групп имеет ассоциативное значение, состоящее из семантических компонентов, описывающих свойства денотата, и не содержащее сравнения с тем, что названо первым членом (словом А). Значение слова А участвует в описании указанных свойств денотата. К этой группе относятся слова типа *горбуша*, типа слов с приставкой *под-* или приведенного польскими лингвистами слова *lipiec*, денотативной частью значения которого можно считать "седьмой месяц года", а ассоциативной (в данном случае — ассоциативно-описательной) — "месяц, в котором цветут липы" [1, с. 316].

¹¹ Ср. у Г.О. Винокура. "Производная или непроеводная основа в слове *земляника*? Это зависит от того, входит ли в самое значение слова *земляника* отношение к земле. Узнать это, очевидно, можно только путем соответствующего ознакомления с опытом тех, кто данным словом пользуется. С этой точки зрения показательно, что в словарях современного русского языка (Ушакова, Стояна; в других словарях толкование значения заменено ботаническим обозначением) значение слова *земляника* определено без упоминания слова *земля*, тогда как в толковании значения слова *черника* содержится упоминание черного цвета ягоды" [43, с. 422].

3.1.1.2.2. Второй член (слово Б) второй из названных групп имеет ассоциативное значение, содержащее сравнение с тем, что названо первым членом (словом А). Так, у слова *советь* ассоциативное значение содержит сравнение с совой ("как сова"), отсутствующее в толковых словарях. Денотативное значение этого слова, указываемое словарями, — "становиться полусонным (вследствие усталости, опьянения и т.п.)". В это значение, как правило, входят те компоненты, которые образуют семантические ассоциации первых членов рассматриваемых пар слов (у совы — сонливость, дремотность).

К данной группе относятся слова, у которых С.С. Лашанская и В.В. Лопатин отмечают метафорическую мотивацию, а Е.А. Земская — ассоциативную переносную и образную мотивации¹².

Ассоциативно-сравнительные дериваты обычно представляют собой как бы результат преобразования отсутствующего у них прямого значения в переносное: *сова* → **советь* "превращаться в сову" → *советь* "становиться полусонным..., <подобно сове>". Если в данной цепочке представлены все звенья, то мы имеем дело с обычной полисемией; ср. у глаголов на *-ничать*:

ремесленничать 1. "заниматься делом ремесленника" 2. "работать по шаблону..."
школьничать "вести себя легкомысленно, как школьник".

К ассоциативно-сравнительным дериватам относятся, например, *плакучий*, *сатанеть*, *головорез*, *молокосос*, *толстосум*, *небоскреб*, *верхогляд*, *буквоед*, *гробить*, *перемежать*, *закоренеть*, *внедрить*, *задубеть*, *вертихвостка*, *прихлебатель*, *захребетник*, *бесхребетный*, *вкрасться*, *педалировать*, *торпедировать*, *головомойка*, *барашки*, *бреющий (полет)*, *окрылить*, *беспутный*, *неуклонный*, *заблуждаться*, *руководствоваться* и др.

В ряде случаев ассоциации, связанные с первым членом рассматриваемых пар, находят отражение в его употреблении в ограниченном (несвободном) контексте: ср. *намылить кому-л. голову* — *головомойка*, *протереть с песбчком* — *пропесочить*, *разнести в пух и прах* — *распушить* и др.

Особой проблемой является определение того, есть ли у слова ассоциативное значение, поскольку далеко не всегда мы имеем дело с достаточно прозрачными отношениями типа *горб* — *горбуша* или *сова* — *советь*. Не претендуя, естественно, на решение этого вопроса, отметим лишь, что констатация наличия/отсутствия или степени отчетливости ассоциативных связей может опираться на степень их типичности, системности, распространенности в языке. Например, связь между *греть* и *взгреть* может опираться на более широкую связь между "огнем, жаром" и "эмоциями", многократно отраженную в языке — как в синхронии (*пламенная страсть*, *огонь любви*, *жаркие споры*, *раскаленная обстановка*, *зажечься чем-н.* и т.п.), так и в диахронии (ср. диахронически связанные *горе* — *гореть*, *печь* — *печатать* и т.п.), связь между *швырнуть* и *прошвырнуться* — на другие сближения бросания и передвижения (ср.: *он кинулся*, *бросился навстречу*) и т.п.

3.1.2. Выше (раздел 3.1.1.) была рассмотрена группа мотивированных слов (1.1. на рис. 1), у которых семантически мотивирующая часть значения полностью совпадает со значением другого однокоренного слова. В данном разделе рассматриваются слова, у которых семантически мотивирующая часть значения не полностью совпадает со значением другого однокоренного слова. Это — те

¹² Разграничение переносной и образной мотивации Е.А. Земская [25] основывает на наличии/отсутствии у мотивирующего устойчивых семантических ассоциаций: у *школьничать* — переносная мотивация (ср. "ребячество, легкомыслие" — устойчивые ассоциации слова *школьник*), у *лизоблюд* — образная мотивация. Е.А. Земская полагает, что образность слова *лизоблюд* возникла из прямого значения сочетания слов *лизать блюдо*. Решение вопроса о наличии/отсутствии у слов побочных ассоциаций при отсутствии ассоциативного словаря достаточно затруднено, поэтому мы воздерживаемся пока от выделения разновидностей ассоциативно-сравнительной мотивации.

дериваты, которые польскими учеными рассматривались как пограничные между собственно дериватами и ассоциативными дериватами, а Е.А. Земской были отнесены к так называемой периферийной мотивации (см. [25]). Позднее О.П. Ермакова и Е.А. Земская назвали эту мотивацию гипонимической [44]. Этот термин следует считать более информативным: одно из однокоренных слов (слово А) является гипонимом по отношению к тому слову или словосочетанию, значение которых составляет мотивирующую часть значения другого однокоренного слова (Б). Так, глагол *брошюровать* означает "сшивать" (листы) в книгу". Слово *брошюра* является гипонимом по отношению к гиперониму *книга*, значение которого составляет семантически мотивирующую часть значения глагола *брошюровать*. Аналогичные отношения имеют место между словами *скоба*, *скобяной* и словосочетанием *легкие железные изделия*. Слово *скоба* — гипоним по отношению к словосочетанию *легкие железные изделия*, значение которого является семантически мотивирующей частью значения слова *скобяной*; ср. его толкование в словаре С.И. Ожегова: "относящийся к производству или продаже легких железных изделий (скоб, крюков и т.п.)" [29, с. 665]. Ср. также *булка*, *булочная* и *хлеб*; *каша*, *кашевар* и *пицца*; *госпиталь*, *госпитализировать* и *больница*; *сок*, *сочить* и *жидкость*; *роса*, *оросить* и *жидкость*; *серебро*, *бессеребренник* и *деньги* и др. У многозначных слов не исключена возможность прямой и гипонимической мотивации одним и тем же словом; ср. *оснастить* — "1. Оборудовать, снабдить снастями (судно); 2. Снабдить необходимыми техническими средствами, приспособлениями" [30, т. II, с. 649]. В первом значении это слово связано со словом *снасть* прямой мотивацией, во втором — гипонимической.

3.2. Рассмотрев в разделе 3.1. группу слов (группа 1 на рис. 1), в значения которых входят все компоненты значения другого анализируемого слова, перейдем к словам (группа 2 на рис. 1), значение которых включает лишь часть компонентов значения другого слова. Во многих случаях имеются лишь некоторые общие компоненты у разошедшихся значений (обычно это — реликты их былой связи). Так, *булава* и *булавка* (некогда связанные как производящее и производное) в современном языке сохранили лишь общие компоненты "утолщение на одном конце" и сходство формы у палки и иглы, ср. значения этих слов (по словарю С.И. Ожегова: *булава* "короткая палка, жезл с шарообразным утолщением на конце, служившие в старину оружием, а у казаков символом власти"; *булавка* — "игла с головкой на одном конце, служащая для прикалывания, а с красивой головкой — для украшения" [29, с. 60]). Сохранилось лишь весьма отдаленное сходство в форме при полном различии функций.

У глаголов *будить* и *возбудить* остался лишь общий компонент "приведение в активное состояние" при отсутствии у *возбудить* значения перевода от сна к бодрствованию (в отличие от *будить* — *разбудить*) и наличия компонентов, связанных с эмоциональным состоянием.

Глаголы *гласить* "содержать в себе какое-нибудь утверждение" и *возгласить* "громко, торжественно произнести, объявить" имеют общий компонент "сообщение информации", но *гласить* [не в традиционно-поэтическом устаревшем значении "провозглашать, возвещать, возглашать", ср.: Они *гласят* во все концы (Тютчев)] не означает, в отличие от *возгласить*, произнести вслух".

Значение глагола *издать* "напечатать и выпустить в свет" (калька с нем. *herausgeben*) не включает значение глагола *дать* (в отличие от *отдать*, *передать* и др.). Отдаленные семантические связи можно усматривать в компоненте "отчуждения" (книги от издающего, предмета от дающего).

Частичное сохранение компонентов значения производящего в значении производного можно усматривать в таких парах, как *блуза* — *блузка*; *фабрика* — *фабриковать*; *рубить* — *рубильник*; *куб* — *кубок*; *куб* — *кубышка*; *деть* — *вдеть*, *продеть*, *воздеть*; *дать* — *обдать*; *гадать* — *выгадать*; *ругать* — *надругаться*; *лизнуть* — *улизнуть*; *бой* — *бойкий* и мн. др.

3.3. Если анализируемые формально связанные слова (А и Б) не имеют никаких

общих семантических компонентов (группа 3 на рис. 1), то, казалось бы, не может быть и речи о степени мотивационной связанности между ними.

3.3.1. Однако в ряде работ последнего времени рассмотрен особый вид отношений между словами, одно из которых явно входит в состав другого и идентифицируется в качестве такового всеми носителями языка, но семантическая связь между этими словами установлена быть не может; значение одного из них нельзя истолковать через значение другого. Т.В. Матвеева рассматривает вторые члены таких пар, как слова с парадоксальной внутренней формой [45], М. Раммельмайер называет отношения в таких парах чисто формальной мотивацией [46], О.П. Ермакова и Е.А. Земская — условной мотивацией [44]. С нашей точки зрения, более соответствует специфике этих отношений термин экспрессивная мотивация (3.1. на рис. 1). Связь с мотивирующим таких слов (все они принадлежат к экспрессивной лексике) не семантическая, а только экспрессивная. Сущность такой мотивации описана М. Раммельмайером: "Вызванные ясной формальной мотивацией произвольные поиски семантической мотивации тем больше увеличивают экспрессивность производного, чем больше разрыв между производным и производящим" [46, с. 189, 190].

К числу таких слов относятся разговорные или просторечные: *наколбасить, распатронить, огорошить, подкузьмить, обжегорить, обштопать, лимонничать, апельсинничать, втрескаться, сморозить* и т.п., а также многие образования от нецензурных слов, описанные М. Раммельмайером [46].

3.3.2. Экспрессивную мотивацию следует отличать от такого вида отношений между семантически не связанными словами, когда связь между ними не идентифицируется носителями языка (*быть — забыть, нос — носить* и т.п.) или когда возможны случайные ассоциации смыслов, не входящих в значение слов (3.2. на рис. 1). Например, слово *беда* не имеет общих компонентов со словом *бедовый* "шустрый, смелый". Семантическая связь имела бы место в том случае, если бы, например, *бедовый* включало компонент "доводящий до беды смелостью, шустростью". Связь с *бедой* нельзя отнести и к сфере устойчивых семантических ассоциаций, поскольку смелость может быть в равной степени связана как с *бедой*, так и с ее отсутствием или ликвидацией.

Для значений слов *белье, чернила* не обязательны ассоциативные компоненты, связанные с цветом. Аналогично соотношение слов *петь* и *петух*: "это соотношение... в современном русском языке нереально, так как хотя петух и поет, но петух все же не означает в нашем языке поющую птицу" [43, с. 427]. Такого рода ассоциации можно было бы назвать факультативными, неустойчивыми или произвольными.

4. В данной статье не рассмотрены, конечно, все аспекты проблемы степеней мотивации, в частности, вопрос "полисемии и степени мотивации". Нами приведены лишь отдельные примеры многозначных слов, разные значения которых связаны со значением мотивирующего слова разными видами мотиваций, одна из которых — прямая, а другая — метафорическая (*ремесленничать*, см. п. 3.1.1.2.2.) или гипонимическая (*оснастить*, см. п. 3.1.2.). Между тем у многих полисемантических слов имеются такие значения, в которых они мотивируются однокоренным словом лишь через посредство другого значения, обычно связанного со значением мотивирующего слова прямой мотивацией. В этом случае степень мотивации определяется степенью связанности значений полисемантического слова — от регулярной полисемии (например, *забитый*. 1. Прич. страд. прош. от *забить*. 2. В знач. прил. Доведенный до отупения; запуганный) до таких отношений, когда "посредствующее" значение является устаревшим, что ослабляет мотивированность слова в неустаревшем значении, например: *застрельщик* 1. Устар. Солдат в рассыпном строю, который первым встречался с противником. 2. Тот, кому принадлежит почин в каком-л. деле; зачинатель [30, т. I, с. 577]; *имение* 1. Земельное владение помещика...; 2. Устар. Имуущество, собственность; [30, т. I, с. 660]; *низвести* 1. Устар., теперь шутол. ирон.

Свести вниз; 2. перен. книжн. "Свести (на более низкую ступень, степень и т.п.) [30, т. II, с. 497]; *соратник* 1. Товарищ по битвам <...> 2. Единомышленник и товарищ по борьбе, какой-л. деятельности; *сподвижник* [30, т. IV, с. 201, где ошибочно не указана устарелость первого значения].

5. Изложенная типология семантических отношений между формально соотносительными словами дает, как кажется, некоторые критерии для решения лексикографических задач, о которых шла речь в п. 1. Так, в словообразовательное гнездо в гнездовом словаре следует, видимо, включать всю выделенную первую группу (см. рис. 1) (включая пары слов, связанных отношениями ассоциативной и гипонимической мотивации), а также экспрессивную мотивацию (3.1. на рис. 1).

Вопрос о том, слова каких типов должны быть помещены в словарь этимологического словаря, связан с более общим вопросом о понимании границ этимологии. Если считать, что этимология должна реконструировать только полностью нарушенные связи, тогда следует включать в этимологический словарь только слова второй группы и группы 3.2. Если считать, что этимология может объяснять причину появления любых отношений, отклоняющихся от прямой мотивации, тогда в словарь словаря следует включать и слова, связанные ассоциативной и гипонимической мотивацией.

Во всяком случае любая классификация слов с точки зрения синхронных словообразовательных (мотивационных) отношений между ними предполагает предварительное теоретическое определение видов этих отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Warszawa, 1984.
2. *Лопатин В.В., Улуханов И.С.* // ФН. 1961. № 1. Рец. на кн.: Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959.
3. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968. С. 214—216.
4. *Янко-Триницкая Н.А.* Членимость основы русского слова // ИАН ОЛЯ. 1968. № 6.
5. *Кубрякова Е.С.* Основы морфологического анализа. М., 1974. С. 39—48.
6. Современный русский язык. Морфология. [М.], 1952. С. 48.
7. *Worth D.S., Kozak A.S., Johnson D.B.* Russian derivational dictionary. N.Y., 1970.
8. Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1970—1973 гг. Словообразование. М., 1978.
9. *Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф.* Словарь морфем русского языка. М., 1986.
10. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1, 2. М., 1985.
11. *Славский Ф.* Из опыта работы над этимологическим словарем польского языка // ВЯ. 1967. № 4. С. 55.
12. *Ślawski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I. Kraków, 1952—1956. С. 5.
13. Этимологический словарь русского языка. Т. I—II. Вып. 1—8 / Под ред. Шанского Н.М. М., 1963—1982.
14. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. / Под ред. Трубачева О.Н. М., 1964—1973.
15. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. I—V. Мінск, 1978—1989.
16. Етимологічний словник української мови. Т. I—III. Київ, 1982—1989.
17. *Coates W.A.* Meaning in morphemes and compound lexical units // Proc. of the 9th Intern. Congr. of linguists. The Hague, 1964. P. 1046—1052.
18. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966. С. 63.
19. *Улуханов И.С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
20. *Блинова О.И.* Явление мотивации слов. Томск, 1984.
21. *Лашанская С.С.* Номинация и полисемия в шведском языке: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Л., 1974. С. 5.
22. *Лопатин В.В.* Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. С. 56, 57.
23. *Ruzynina J.* O pojęciu synchronicznej pochodności derywatów // Problemy współczesnego słowotwórstwa a dydaktyka uniwersytecka / [Warszawa], 1972.
24. *Honowska M.* Ewolucja metod polskiego słowotwórstwa synchronicznego (w dziesięciolecie 1967—1977). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. S. 64.

25. Земская Е.А. Виды семантических отношений словообразовательной мотивации // Wiener Slavischer Almanach. 1984. Bd. 13.
26. Кубрякова Е.С. Теория мотивации и определение степеней мотивированности производного слова // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1976. С. 287.
27. Герд А.С. Морфемика в ее отношении к лексикологии // ВЯ. 1990. № 5.
28. Земская Е.А. О некоторых нерешенных вопросах теории синхронного словообразования // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания: Тез. докл. М., 1974.
29. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 9-е изд. М., 1972.
30. Словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1981—1984.
31. Советский энциклопедический словарь: 2-е изд. М., 1983.
32. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
33. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.
34. Земская Е.А. Словообразование и текст // ВЯ. 1990. № 6.
35. Jelitte H. Wortbildung und Text // Die Beziehung der Wortbildung zu bestimmten sprachebenen und sprachwissenschaftlichen Richtungen: Beiträge zur Slavistik. Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris, 1991.
36. Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья). Т. I—II. Томск, 1982. 1983.
37. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 214.
38. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 261.
39. Rammelmeyer M. // Rling. 1988. V. 12. № 3. Рец. на кн.: Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985.
40. Улуханов И.С. Мотивация и производность (о возможностях синхронно-диахронического изучения языка) // ВЯ. 1992. № 2.
41. Краткая русская грамматика. М., 1989.
42. Энциклопедический словарь. Т. 1—3. М., 1953—1955.
43. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию / Винокур Г.О. Избр. раб. по русскому языку. М., 1959.
44. Ермакова О.П., Земская Е.А. К уточнению отношений словообразовательной производности // Rling. 1991. V. 15.
45. Матеева Т.В. Парадоксальная внутренняя форма слова (на материале диалектных глаголов) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. VIII. Новосибирск. 1979.
46. Rammelmeyer M. Emotion und Wortbildung. Untersuchungen zur Motivationsstruktur der expressiven Wortbildung in der russischen Umgangssprache // Gattungen in der slavischen Literaturen. Köln; Wien, 1988.